

Белла Арфуди

ДЕСЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

Москва
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А86

*Книга создана при содействии бюро «Литагенты существуют»
и литературного агента Екатерины Тихоновой.*

Арфуди, Белла

А86 Десять поколений / Б. Арфуди. – М. : Эвербук/Дом историй, 2024. – 320 с. — (Галерея: семейные саги).

ISBN 978-5-0058-0412-9

Внезапная смерть отца возвращает Ари из далекой Америки в холодную Москву. Но это только начало его пути. Намереваясь исполнить последнюю волю отца и отвезти его прах в Ирак, Ари отправляется в большое путешествие. Он поедет в Армению, Грузию, Иран и Турцию — в попытках найти себя и не потерять езидские корни.

Ари предстоит узнать о драматичной судьбе нескольких поколений своих предков, живших задолго до него, а читателю — пройти этот путь вместе с ними.

«Десять поколений» — это колоритная семейная сага, рассказывающая историю одного езидского рода.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Белла Арфуди, 2024
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Эвербук»,
Издательство «Дом историй», 2024

ISBN 978-5-0058-0412-9

*Вернувшему меня к корням
и каждому из рода Бали:
в прошлом, настоящем и будущем*

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?
С. Есенин

Я иду от дома к дому,
Я у всех стучусь дверей.
Братья, страннику больному,
Отворите мне скорей.

Я устал блуждать без крова,
В ночь холодную дрожать
И тоску пережитого
Только ветру поверять.

Не держите у порога,
Отворите кто-нибудь,
Дайте, дайте хоть немного
От скитаний отдохнуть.
Ф. Сологуб

ПРОЛОГ

Османская империя, 1912 год

Каждый свой день Ава Бяли начинала с молитвы. Повернувшись к солнцу и протянув вперед руки, она повторяла заученные с детства слова: «Господи, ты, все блага дающий, ты, всемилостивый... Будь милосерден и сострадателен к семидесяти двум народам. Помоги тем, кто недугом прикован к постели, томящимся в тюрьмах, путникам в дороге, страждущим беднякам, разоренным, несчастным, обездоленным и нам вместе с ними»¹. Сколько Ава себя помнила, иного начала утра у нее никогда не бывало еще с тех пор, когда они с родными жили в Иране.

Проснувшись со звуками первого азана, призывавшего к молитве всех мусульман, Ава заготавливала тесто для лепешек к завтраку и шла заниматься живностью. Хотя сама Ава мусульманкой и не была, но, как и ее предки, привыкла

¹ Молитва, с которой начинают день верующие езиды. Они считают, что до их появления уже существовали семьдесят два древних народа. — *Здесь и далее примеч. авт.*

отмерять свое время в течение дня по напевам сур из Корана. Такова их езидская участь — вечно жить с враждебными к ним соседями, приучаясь к их порядкам.

Первый намаз — время кормить скотину. Второй — завтракать. Третий — готовить обед. Четвертый — встречать мужа, вернувшегося с работы из города. Пятый — прибирать дом и готовиться ко сну. Бесконечная череда дел по хозяйству. Стало лишь немногим легче с появлением невесток. Как только Ава женила сыновей, часть постоянных забот ушла с ее плеч. Совсем уже бремя домашних обязанностей ушло, когда в доме появилось второе поколение невесток — жен ее внуков. В глубине души Ава считала их паршивыми хозяйками, но радовалась возможности наконец покончить с домашними хлопотами и предаться молитвам.

Обычно после утренней молитвы Ава завтракала со всей семьей, лаская между делом многочисленных своих потомков — уже даже не внуков, а правнуков. Старуха никогда бы не произнесла это вслух, но она абсолютно точно знала, что у нее был любимец. Старший правнук казался ей воплощением ее чаяний и надежд. Глядя на то, как он корпел над талмудами, Ава мысленно обращалась к Ходэ² и благодарила его за то,

² Бог (езид.).

что даровал такое блестящее потомство. Значит, все эти гонения и бесконечные переезды ее семьи были не зря. Здесь, на землях их новой родины — в Ване, будет расти новое поколение езидского клана Бяли. Они не будут знать мытарств и страха своих предков. Они станут частью местного общества, уважаемыми людьми. Больше не будет новых потерь и водопада материнских слез. Так рассуждала старуха, перебирая четки в ожидании обеда и очередной молитвы.

— Бабушка, кого ты там выглядываешь в окне? — обратился к Аве ее любимец. Прищурив свои зеленые, словно морская тина, глаза, он пытался найти то, что заинтересовало старуху.

— Ничего, маламен³, ничего. — Ава, крихтя, поднялась с топчана. — Пойдем посидишь с бабушкой в саду. Вечно вы, молодые, куда-то торопитесь и не обращаете внимания на то, что вокруг. Посмотри, как красиво в этом году цветут розы! Наш сад превратился в рай.

Джангир с величайшей осторожностью, на которую только был способен, вел под руки прабабушку к ее любимым цветам. Розы были самые разные: ярко-алые, желтые, кремовые, розовые... Их посадила сама Ава в первый же год после покупки дома. Стоя тогда на участке с саженцами в руках, она молила Всевышнего даровать ее се-

³ Ласковое обращение на езидском языке.

мье покой и возможность считать это место своим домом.

Джангир же, сжимая морщинистую ладонь прабабушки, думал о том, сколько труда довелось познать ее рукам, пока их семья не сколотила состояние. Это были руки труженицы, не знавшей легкой жизни.

— Как дивно пахнут розы, Джангир! — Ава прикрыла глаза. — Ароматы напоминают мне дом моего отца и нашу жизнь в Иране до того, как мы сбежали сюда.

Джангир слышал историю побега бесконечное количество раз и считал, что прабабушка придает слишком много значения прошлому, но никогда ее не перебивал. Очень болезненными были для нее эти воспоминания. Ава тяжело села в плетеное садовое кресло, рядом с ней на земле устроился и ее правнук. Всматриваясь в распустившиеся бутоны роз, которым был отведен всего один сезон, она чувствовала скоротечность времени.

— Мой отец часто вспоминал другую землю, Ирак, и как его семья сбежала в Иран во время очередной войны, надеясь найти покой там. Кто же знал, что придется бежать и оттуда. Наверное, моя смерть близка, раз я начинаю задумываться об этом и страшиться того, как бы однажды не пришлось убегать и от османов.

— Что ты такое говоришь, бабушка? — Внук поцеловал руки Авы, покрытые пятнами цвета

жженого сахара. — Ты будешь жить еще очень долго. Разве не ты говорила, что не ляжешь в могилу, пока я не женюсь?

Ава засмеялась, поглаживая лицо Джангира. Ее смех, бывший когда-то подобным разливу ручья, звучал хрипло и прерывисто. Знал бы Джангир, как тяжело ей давался каждый прожитый день.

— Так не женишься ты. Все учишься да учишься. Какой толк быть таким умным, если нет семейного очага? — Горькая улыбка Авы испещрила ее лицо морщинами. Каждая из них, словно дорога прожитых лет, изгибалась, сворачиваясь в тугой узел с другими.

— Женюсь я, женюсь. Ты будешь танцевать на моей свадьбе, а после увидишь еще одного своего потомка. Знаешь, сколько их будет всего? — Джангир раскрыл ладони.

— Сколько? — втянулась в игру улыбающаяся Ава.

— Тысячи! Десятки тысяч! И каждый будет помнить тебя.

— Ах, маламен, да пойдут твои слова прямо в уши Создателя. — Ава уткнулась в темя Джангира, стараясь дышать ровнее и не пугать своего любимца подступающим приступом кашля.

Так и сидели Ава и Джангир в ароматном облаке роз, беседуя и созерцая цветы. Прародительница и потомок, волею судеб заставшие друг друга.

Беспечные времена скоро уйдут в прошлое. Джангир об этом не подозревал, доказывая бабушке, что сможет сделать карьеру юриста в Стамбуле среди «этих мусульман». Ава же, пережившая на своем веку уже два переселения, сжимала кончики узорного платка, покрывавшего ее седые волосы, и мысленно молилась за будущее своего рода. Ее сердце было беспокойно.

ГЛАВА I

Ари стоял в квартире, из которой уехал четыре года назад, окончательно разругавшись с отцом. На стенах были все те же блеклые обои в коричневую полосу. Свет едва пробивался в гостиную сквозь плотные шторы из синего хлопка. В центре комнаты стоял большой круглый стол, за которым в школьные годы Ари списывал тетради домашними заданиями. На столе грустно доживала свои дни старая чехословацкая ваза. Когда-то она была частью приданого рано умершей матери Ари. Краешек вазы был отколот — это Ари уронил ее, спешно собирая вещи при очередной ссоре с отцом.

Больше недели назад отца не стало.

Ари до конца не понимал, как он воспринял эту новость. Когда дядя, родной брат отца, позвонил ему, Ари находился за океаном. Звонок из Москвы ворвался в его американскую ночь.

— Твоего отца больше нет, — звучал издали сиплый голос дяди Мсто. — Прощание будет послезавтра, прилетай.

В ушах зазвенело. Пульсация в затылке мешала понять, что же делать дальше. Сквозь хаос

отчаяния и постоянной мигрени Ари почти сутки добирался до Москвы, чтобы стоять сейчас в старой хрущевке.

Церемония прощания запомнилась ему сплошным белым полотном. Как то, в которое был завернут отец. По езидским традициям шейх и пир⁴ обмыли тело отца, облили его теплой водой из чаши и произнесли все подобающие молитвы. Вынося гроб с покойником из дома, мужчины трижды опустили его к земле, потом повторили это и в крематории. На прощание с усопшим мужчины и женщины допускались раздельно. Плакальщицы стенали, распевая похоронные стихи, увеличивая частоту пульсаций в голове Ари.

Отец лежал в гробу на боку, словно прикорнул на минутку-другую. По поверью, ему предстояло самому перевернуться на спину уже в могиле. Из-за позы он казался Ари живым. Хотя тот и не смотрел ему в глаза, Ари будто слышал его осуждающий шепот и вел с ним тихую беседу.

— Явился, — ворчал отец, как бывало раньше. — Только на моих похоронах и соизволил показаться, бесстыжий. Ни капли почтения к старшим, к своей семье, к своим корням.

— Я не приходил к тебе! Именно к тебе, а не к семье, баво⁵, — пульсировало в голове.

⁴ Шейхи и пиры — езидские касты, относящиеся к духовенству.

⁵ Отец (*езид.*).

Гроб должен был стоять сейчас не в ожидании печки, пламя которой превратит его в пепел, а на езидском кладбище в Армении. Однако отец решил иначе. Своей последней волей он шокировал всю семью, считавшую его ревностным хранителем традиций.

— И чего ему вздумалось идти против предписанного? — шептались одни.

— Где это видано, чтобы человека сожгли, а не предали земле! — возмущались другие.

Ари не было никакого дела до чужих разговоров. Весь день он провел как в тумане, едва различая соболезнующих ему родственников. Тети, дяди, кузены разных степеней дальности — все смешались в единый водоворот черного облака.

Последующие дни он почти не вставал с кровати, находясь между сном и реальностью. Шок из-за смерти отца и джетлаг накрывали его до седьмого дня после похорон. На седьмой день традиции предписывают раздать семи езидским семьям семь порций обеда. Считается, что в этот день рот покойника освобождается от земли. Брат отца передавал еду пришедшим, бубня себе под нос, что странно следовать этому обычаю, раз покойного сожгли и никакой земли в нем точно не было. Остальные родственники согласились с ним и решили, что раздачи еды достаточно и убивать животное для поминок, как делали их предки, будет лишним.

— Тем более где мы будем резать корову в Москве? — поддакивала младшая сестра отца.

На восьмой день Ари обнаружил, что бесцельно и растерянно бродит по квартире. Взгляд его переместился с вазы на продавленное отцовское кресло. Тот не разрешал его выбросить, говоря, что молодежь перестала ценить хорошие вещи. На кресле, покрытом тонким армянским ковром с витиеватыми красно-синими узорами, выделялась серая урна. В ней хранилось все, что осталось от отца, — его прах. И Ари предстояло везти его черт знает куда.

Ари сжимал в руках письмо отца.

Переживший уже один, хоть и легкий, по словам врачей, инсульт, отец Ари опасался, что второго ему не осилить. И, как только оказался дома, сразу же стал писать сыну. Предчувствие его не обмануло — смерть пришла за ним через десять месяцев.

На белом листе коряво выделялись синие чернила:

«Сын!

Последний раз, когда я тебя видел, я был ужасно разозлен. Я знаю, что мне следовало вести себя с тобой иначе. Мне вообще многое следовало делать иначе. Когда ты молод, то оправдываешься возрастом и глупостью. Когда тебе уже почти шестьдесят, как мне, найти оправдания сложнее. Я чувствую, что смерть меня не оставит. Она уже

увидела меня, значит, вернется снова. Я не прожил эту жизнь так, как действительно хотел бы. И мне печально от мысли, что я и тебя хотел заставить ее прожить не так, как ты хочешь.

Прости меня, если сможешь. Делай все, о чем мечтал, и знай, что у тебя есть мое благословение. Не знаю, решусь ли я тебе сказать это сам или тебе суждено прочесть лишь сухие строки. Знай, что я искренен: я благословляю тебя делать все, что ты хочешь. И прошу тебя лишь об одном. Верни меня туда, где мне положено быть. Я не хочу лежать в чужой земле, которая никогда не станет моей, сколько бы моих предков и потомков на ней ни прожило. Верни мой прах в Ирак. Пройди путь наших отцов и верни нам дом. Это единственное, о чем я тебя прошу.

Я люблю тебя, сын. Прости, что говорю тебе это впервые.

Твой отец».

Ари перечитал письмо уже раз десять, но никак не мог решиться. На церемонии прощания дядя Мсто, знавший о воле отца, настаивал на том, что Ари обязан ей следовать:

— Не выполнить последнюю просьбу умершего — это все равно что плюнуть ему в могилу. — Его черные кустистые брови почти сомкнулись на переносице. — Полетели со мной в Ереван? Оттуда начнешь свое путешествие. Съездим вместе в Иран, вернемся в Армению и оттуда уже поедем

по пути, который завещал тебе отец: в Грузию, Турцию, потом в Ирак. Ты не будешь один.

— Зачем отцу это было нужно? — Ари все никак не мог отложить письмо в сторону. — Я даже никогда не знал, что он хотел побывать в Ираке.

— Мы вообще мало что знаем о своих родных, потому что сначала боимся спросить, а потом теряем интерес.

— Я даже в Армении последний раз был подростком, вряд ли что-то там помню.

— Значит, пора вернуть себе эти воспоминания. Может, твой отец знал, что это путешествие нужно не только ему, но и тебе. В общем, выбирай дату полета. — Дядя Мсто улыбнулся, сверкнув золотым зубом, с которым он не хотел расставаться, несмотря на возможности современной стоматологии. — У тебя есть отличный попутчик.

Ереван встретил их тридцатишестиградусной жарой. Казалось, что асфальт вокруг Звартноца вот-вот расплавится, превратится в тягучую реку. Воздух был раскален, но Ари дышалось здесь легче, чем в более влажном московском климате. Вокруг бесконечно сновали таксисты, желавшие нажиться на наивных приезжих. Ари и дядя Мсто в ожидании своей машины игнорировали их, словно назойливых мух. За ними ехал старший сын дяди.

— Авдо, я уже думал, что ты решил нас здесь бросить, — полушутя отчитал сына дядя Мсто.

— Пробки теперь как в Москве. Никогда не угадаешь, где они тебя настигнут. — Авдо закинул чемоданы в машину и приглашающим жестом указал на дверь. — Домой?

— Домой, — выдохнул дядя Мсто, вытирая носовым платком пот со лба. Жара была для него невыносимой, даром что он родился в солнечной Армении и прожил в ней большую часть жизни.

Дорога казалась Ари смутно знакомой. Но то скорее были отголоски рассказов родителей и его собственных фантазий, чем реальные воспоминания. Единственное, что он узнавал, точно понимая, что это не игра его воображения, — это вездесущие пулпулаки. Чистая ледяная вода била из них, словно источник жизни, собирающий во круг жаждущих. Толпы туристов бегали во все стороны. Высунув голову из окна машины, Ари слышал то армянскую речь, то английскую, то французскую, то фарси. Удивлением для него стали индусы: он не встречал их в детстве.

Розовый туф, из которого в основном построен старый Ереван, на солнце кажется то персиковым, то охристым. Ари узнавал и его. Он маленьким любил ковырять стены, пытаясь сделать тайники для посланий друзьям. Помнил, как его за это постоянно журил сосед: «Ах ты маленький гена-

цвале⁶!» Хоть Ари и был этническим езидом, дворовые товарищи в Ереване называли его грузином, так как он перебрался с родителями в Армению из Грузии. Ему было лет шесть, когда родители решили переехать в первый раз. Разницу между Грузией и Арменией Ари не сильно ощущал, если не считать языка. Все остальное маленькому переселенцу казалось похожим: солнце, фрукты, темноволосые люди, старики во дворе и виноградные лозы, оплетающие дома и внутренние дворики.

Сложнее было, когда еще через год они отправились в Москву, где ошалевшему от таких резких перемен Ари пришлось привыкать к совсем иной культуре, холоду и диковинным словам вроде «черномазый», которые он не слышал раньше. После пяти лет жизни в спальных районах Москвы и грузинский, и армянский языки совершенно вылетели у Ари из головы. Дома родители, стараясь не забывать о корнях, говорили с ним на езидском, а улица обращалась к нему на русском со сложными вставками мата, которые Ари быстро научился различать. Тогда же он в последний раз побывал с родителями в Армении. Последнее лето, когда мама еще была жива. Она возила его по местам, где проводила детство, и учила читать книги не только глазами, но и руками, ушами, носом и сердцем.

⁶ Обращение на грузинском.